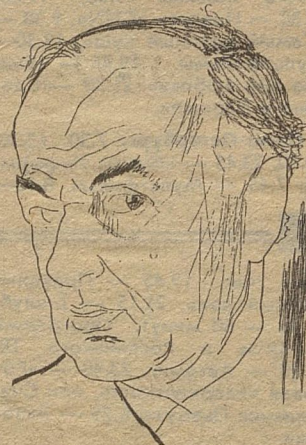

Анненков Юрий

Кульбуга. -1993. -18 сент. -С.5.

Без плаща и маски

поручена постановка массового зрелища под открытым небом. В зрелище этом участвовали тысячи исполнителей, и называлось оно «Взятие Зимнего дворца». В Москве Анненков писал портреты деятелей революции и членов правительства. Портретист он, кстати, был замечательный и создал целую галерею портретов русских и зарубежных писателей — Пастернака, Ахматовой, Кузьмина, Замятина, Есенина, Зощенко, Блока, Маяковского, Верхарна, Ходасевича, Бабея... Портрет Андре Жиды считается одним из его шедевров.

Живописец Анненков был известен как художник-кубист, как художник-абстракционист. Написано о нем немало. А вот собственные его сочинения известны меньше.

Потомок знаменитого мемуариста, он и сам оставил замечательные мемуары, вышедшие в Москве. Надеюсь, со временем выйдет и его «Повесть о пустяках», так заинтриговавшая когда-то Михаила Осоргина. И тогда, возможно, к Петербургу Гоголя, Достоевского, Белого, Набокова прибавится в нашей литературе Петербург таинственного Бориса Темирязева (он же Юрий Анненков), и читатель наш сможет оценить по заслугам еще одного русского прозаика.

Борис НОСИК.

ПАРИЖ.

● Ю. АННЕНКОВ. Автопортрет.

18.09.93

Эту удивительную историю рассказала мне моя парижская приятельница, которая была свидетельницей всего происшествия и лично знала героя.

В 1927 году в литературном еженедельнике «Звено», который издавали какое-то время в Париже Милюков и Винавер, появился рассказик, присланный на конкурс и подписанный каким-то странным английским девизом. Он назывался «Любовь Сеньки Пулсика»: очень симпатичный рассказ про фантастическую судьбу жулика в послереволюционные годы. А еще через год в престижных «Современных записках», лучшим «толстом» журнале эмиграции, появился еще один рассказ, явно принадлежащий перу того же автора. Однако подпись была уже «Темирязов» — явно псевдоним. Прислан был рассказ таинственным путем, через какую-то даму по фамилии Горгулова. Мистификация?

Надо сказать, что они были нередки в талантливом Русском Зарубежье. Профессор Сорбонны Никита Струве считает, например, таким «розыгрышем» подпись М. Агеев под известной книгой «Роман с кокаином», вышедшей в те же годы. Настоящим автором, по мнению Н. Струве, был не кто иной, как Владимир Набоков-Сиринов, обожавший всякого рода мистификации и мечтавший однажды утереть нос самонадеянной эмигрантской критике. Кстати, Набоков на-

печатал некоторые свои стихи под фамилией Шишков, а потом написал еще и рассказ... про поэта Шишкова.

Так вот, многие были заинтригованы рассказом Темирязева «Домики на 5-й Рождественской» и появлением на литературном горизонте нового, таинственного и совершенно профессионального автора. Особенно заинтересовался дебютантом писатель Михаил Осоргин, ревностно и даже ревниво относившийся к литературной молодежи, много помогавший начинающим, издававший издание «Молодые писатели». Так что можете представить, каково было удивление и возбуждение Осоргина, когда на его имя пришел вдруг пакет от того же самого таинственного Темирязева (через ту же госпожу), а в пакете — повесть, почти роман. Ну рассказ-другой, написанный рукой профессионала, стихотворение — это еще куда ни шло, но что-то великодушный роман... Тема была та же, послереволюционная Россия, и

стиль тот же — но рука, какая уверенная рука!

Осоргин написал через госпожу Горгулову письмо автору и потребовал, чтоб автор явился на свидание. Мол, приходите хоть в плаще и маске, но приходите, — и только тогда я стану заниматься романом, предложу его издательству «Петрополис», в противном же случае — не согласен. Автор понял, что шутки с Осоргиным плохи, и явился — без маски и плаща. Осоргин смотрел на него с таким недоумением, что посетитель стал бороться:

— Ну да, это я, Михаил Андреич, вы что же, не узнаете меня, я Юрий Анненков. Ну да, и Борис Темирязов тоже я... Вы же меня узнали...

— Узнать-то узнал, но...

«Михаил Андреевич, знаете, был даже как-то уязвлен этим», — рассказывала мне вдова писателя Осоргина Татьяна Алексеевна.

— Чем же именно?

— Ну как-то, знаете... Чтоб одному человеку столько дано

талантов... Ведь это, подумайте, — Юрий Анненков!

Удивление Осоргина можно понять. К 1928 году Анненков был уже очень известным художником. Он участвовал в выставках «Мира искусств» в пору бурного расцвета русского искусства в начале века, а его книжные иллюстрации привлекали внимание знатоков еще с 1916 года. Дореволюционная театральная публика отметила его декорации к спектаклям Станиславского, Мейерхольда, Евреинова и других знаменитых режиссеров, а после революции он и сам осуществил экспериментальную постановку, где драма сочеталась с эстрадой и цирком.

В 1920 году Анненкову была